

«ПО ТЕЧЕНЫЮ» И «ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ»: КОГДА БЫЛ «ГЕРОЕМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ» НЕМЕЦКИЙ ИСТОРИК ГЕРМАН ГЕЙМПЕЛЬ?

В.С. Савчук

Аннотация. В статье анализируются основные этапы жизненного и творческого пути известного немецкого историка-медиевиста Германа Геймпеля (1901–1988). Родившийся в протестантской семье и воспитанный в консервативном духе, он принадлежал к тому поколению, которое не участвовало в Первой мировой войне, но уже в достаточно сознательном возрасте пережило и военные, и революционные потрясения. Хотя формально Г. Геймпель не являлся членом НСДАП, но его научная и административная деятельность в 30-е гг. была «созвучна» господствовавшему в Третьем рейхе националистическому мировоззрению. Об этом говорит и предложение властей занять кафедру в завоеванном Германией Страсбурге, которое было принято Г. Геймпелем. Подобные факты свидетельствуют о том, что до середины 40-х гг. деятельность Г. Геймпеля была типичной для консервативного большинства немецких интеллектуалов, принявших, пусть и с оговорками, «национальную революцию» в Германии. Но после 1945 г. Г. Геймпель, в отличие от многих своих коллег, уже «плывет против течения». Пройдя процесс «денацификации», он стал после войны профессором, а затем (с 1953 г.) ректором Гёттингенского университета. Несмотря на занимаемые им высокие должности, ученый настойчиво призывал своих коллег осмыслить и осудить национал-социалистическую эпоху, выдвинул концепт «преодоления прошлого». В конце 50-х гг. он не дал согласия баллотироваться в качестве кандидата на пост Президента ФРГ. Автор статьи ставит вопрос: когда же Герман Геймпель был «героем своего времени»? Когда поступал в соответствии с принятыми в его социальном и профессиональном кругу практиками или когда призывал соотечественников, не желавших признавать свою вину за содеянное, к раскаянию и «преодолению прошлого»?

Ключевые слова: герой нашего времени, Герман Геймпель, историческая наука Германии, идеология национал-социализма, концепт «преодоления прошлого».

“DOWNSTREAM” AND “UPSTREAM”: WHEN WAS THE “HERO OF HIS TIME” GERMAN HISTORIAN HERMANN HEIMPEL?

V.S. Savchuk

Abstract. The article analyzes the main stages of the life and creative path of the famous German historian in Medieval studies Hermann Heimpel (1901–1988). Born in a Protestant family and brought up in a conservative spirit, he belonged to a generation that did not participate in the First World War, but at a fairly conscious age survived both military and revolutionary upheavals. Although he was not formally a member of the National Socialist Party (NSDAP), his scientific and administrative activities in the 1930s were “consistent” with the nationalist worldview that prevailed in the Third Reich. This is evidenced by the proposal of the authorities to occupy a chair in the Strasbourg conquered by Germany, which was accepted by H. Heimpel. Such facts testify to the fact that until the mid-40s, Heimpel’s activity was typical of the conservative majority of German intellectuals, who adopted, albeit with reservations, the “national revolution” in Germany. But after 1945 H. Heimpel, unlike many of his colleagues, was already “floating against the tide”. After the process of “denationalization”, he became a professor after the war, and then (since 1953) rector of the University of Göttingen. Despite his high positions, the scientist urged his colleagues to reflect on, condemn the National Socialist era, and put forward the concept of “overcoming the past”. At the end of the 1950s, he did not agree to run as a candidate for president of Germany. The author of the article asks the question: when was Hermann Heimpel a “hero of his time”? When did he act in accordance with his social and professional practices, or when he called on compatriots who did not want to admit their guilt for what they had done to repent and “overcome the past”?

Keywords: Hero of our time, Hermann Heimpel, historical studies in Germany, the ideology of National Socialism, the concept of “overcoming the past”.

Во второй половине 30-х гг. XIX в. были созданы два замечательных романа, сами названия которых стали символическими, но, как всякий символ, понимаются по-разному: «Исповедь сына века» Альфреда де Мюссе и «Герой нашего времени» Михаила Лермонтова. Не только в публицистических, но и в научных сочинениях выражения «сын своего века» и «герой нашего времени» приобрели характер устойчивых клише, но удивительно то, сколь разное содержание нередко вкладывают в эти слова. Быть «сыном своего века» - значит, разделять все его слабости и заблуждения? А «героем нашего времени», вслед за М.Ю. Лермонтовым, следует считать человека, чей портрет составлен «из пороков всего нашего поколения»? Но почему же тогда подобные люди олицетворяют целую эпоху, являются примером для подражания или, как принято теперь говорить, «лидерами общественного мнения»? Пусть даже мирозерцание, присущее героям классической литературы 30–40-х гг. XIX в., ныне уже никто не разделяет, но символы едва ли не двухсотлетней давности по-прежнему используются, причем как в обыденном, так и в научном, и в публицистическом дискурсе¹. Можно, вероятно, говорить о трех, по меньшей мере, вариантах понимания сути выражения «герой нашего времени»: а) это – типичный представитель данного поколения, со всеми достоинствами и недостатками; б) это – человек, вобравший в себя все пороки нынешнего общества; в) это – «герой» не в ироническом, а в «высоком» смысле этого слова.

Мне кажется, что особенно интересны биографии тех персонажей (в данном случае – ученых-историков), которые в рамках неповторимой личной судьбы вместили и типические, для своего поколения и «своего круга», поведенческие практики, и поступки, принципиально несовместимые с широко распространенными в данном обществе «нормами поведения». Используя выражение П. Горелика и Н. Елисеева, назвавших свою книгу о жизни и творчестве поэта Бориса Слуцкого «По течению и против течения» [Горелик П., Елисеев Н., 2009], я хотел бы рассмотреть в своей статье вопрос: когда же немецкий историк Герман Геймпель² был «героем своего времени»? Когда он поступал «как должно» или когда он своими словами и поступками нарушал предписанные «нормы поведения»? Кроме того, фигура этого европейского ученого привлекла меня и потому, что историю исторической науки (особенно – медиевистики) середины XX в. в Германии невозможно понять без верного осмысления научного творчества и общественной позиции этого авторитетного профессора. Неслучайно о Г. Геймпеле упоминают и в общих историографических исследованиях, ему посвящены и специальные биографические работы [Boockmann, 1990; Schulin, 1998; Хряков, 2011; Хряков, 2012]. Наконец, хочу заметить, что воспоминаниями о встречах с героем моего повествования

¹ Вот совсем свежий пример. В только что вышедшей статье о деятельности митрополита Тихона (Шевкунова) читаем: «Он – поистине "герой нашего времени", со всем его тщеславием, социальными пропастями и имперскими комплексами. Ну и, конечно, с красивой приправой внешнего, "несвятого" благочестия» [Солдатов, 2019, с. 13].

² В научной литературе на русском языке фамилия ученого пишется по-разному: Геймпель, Хеймпель, Гаймпель. Это относится и к транскрибированию многих других немецких фамилий.

со мной делились немецкие коллеги Э. Обендик и К. Лампе (эти профессора из Дортмундского университета в первой половине 50-х гг. были студентами в Геттингене, где в то время работал профессор Г. Геймпель). Личные воспоминания всегда вносят дополнительные, часто эмоционально окрашенные, штрихи к портрету ученого.

Герман Геймпель родился 19 сентября 1901 г. в Мюнхене в протестантской семье. Его предки с отцовской стороны происходили из швабского города Линдау (ныне – в Баварии), а с материнской стороны – из Нидерландов. Отец будущего ученого был известным инженером и пионером электрификации железных дорог в Германии [Voockmann, 1990, s. 8–9]. Герман Геймпель учился в одной из лучших мюнхенских гимназий, где подружился с Альбрехтом Хаусхофером, ставшим в дальнейшем известным географом и писателем, примкнувшим позже к Движению сопротивления против Гитлера [Heimpel, 1995, s. 135–143]. Подростки принадлежали к тому поколению, которое по возрасту не могло участвовать в Первой мировой войне, но, вместе с тем, уже достаточно сознательно (в 13–17 лет) воспринимало происходившие в Германской империи и Европе социально-политические и военные события. У многих сверстников Г. Геймпеля отцы находились (а часто и погибали) на фронте, и юношам приходилось рано узнавать все тяготы реальной жизни. Психологически им было нелегко еще и потому, что молодые люди, которые были их старше на какие-нибудь 3–5 лет, но участвовавшие в войне, смотрели на них снисходительно и едва ли не презрительно, как на отсиживавшихся дома детей. Отсюда – стремление этого поколения раньше времени стать взрослыми: в 14 лет Г. Геймпель вступает в «Баварское общество обороны», несколько позже – в «Юношеский штурмовой отряд» [Хряков, 2011, с. 179–180]. В 18-летнем возрасте, в апреле 1920 г., он уже находится в составе т.н. «Фрайкора Эппа»¹, боровшегося против «Красной армии Рура».

В том же 1920 г. Герман Геймпель начинает учиться в университете – сначала в Мюнхене, а затем – во Фрайбурге. В Мюнхенском университете наибольшее влияние оказали на него знаток палеографии и средневековой латыни Рудольф фон Геккель (Hesckel) и профессор-медиевист Зигмунд Гелльман (Hellmann). Последний, очевидно, распознавший исследовательский талант юного Г. Геймпеля, дал ему рекомендательные письма для продолжения научных занятий во Фрайбурге [Heimpel, 1995, s. 150]. В то время во Фрайбургском университете профессором средневековой истории являлся один из самых знаменитых европейских медиевистов Георг фон Белов. Хотя он, как это принято в немецкой академической среде и как об этом позже вспоминал сам Г. Геймпель [Heimpel, 1995, s. 174], не стремился навязывать своим ученикам собственные политические взгляды, а они отличались

¹ Фрайкор Эппа (Freicorps Epp) – Баварский добровольческий корпус, созданный по решению Густава Носке и названный по имени своего руководителя полковника Франца фон Эппа. Во «фрайкоре» служили многие баварские нацисты, в том числе Рудольф Гесс, Ганс Франк, братья Штрассеры и др. Позже корпус вошел в состав рейхсвера Веймарской республики и использовался, в частности, для охраны восточной границы Германии.

«национально ориентированным» консерватизмом и откровенной неприязнью к демократическим переменам в Веймарской республике, но косвенно мировоззрение авторитетного профессора несомненно воздействовало на его учеников. Во Фрайбурге у Германа Геймпеля сложились дружеские отношения с Арнольдом Бернеем (Berney) и Рудольфом Штадельманом (Stadelmann), продолжавшиеся на протяжении многих лет. Переживший своих друзей, Г. Геймпель напишет после их кончины проникновенные строки [Heimpel, 1995, s. 155–163, 202–223]. Вероятно, можно утверждать, что во фрайбургский период уже сформировались вполне консервативные, чтобы не сказать — националистические, взгляды Г. Геймпеля, чему способствовали и домашнее протестантское воспитание, и дружба с семейством Хаусхоферов, и борьба против «красных отрядов» в составе «Фрайкора Эппа», и влияние профессора Г. фон Белова, убежденного в том, что сильное национальное государство является высшим смыслом и драгоценной целью исторического развития, и поступки его новых фрайбургских знакомых. Видимо, отнюдь не случайно Г. Геймпель оказался 8 ноября 1923 г. в той самой мюнхенской пивной, где начался т.н. «пивной путч» набиравшего известность А. Гитлера.

Научная карьера Г. Геймпеля началась едва ли не стремительно: ему не было еще 23 лет, когда он под руководством Георга фон Белова защитил свою первую диссертацию «Ремесло города Регенсбурга в эпоху Средневековья». Через два года в несколько расширенном виде она была опубликована [Heimpel, 1926], что в то время случалось довольно редко. В последующие годы значительную роль в его жизни сыграл профессор Генрих Финке (Finke). Известный специалист по истории католической церкви, знаток европейской истории XIV–XVI вв., Г. Финке потерял в годы Первой мировой войны обоих своих сыновей и, вероятно, поэтому с особой теплотой отнесся к молодому Г. Геймпелю, около четырех лет прожившему в его семье почти что на положении «сына» [Heimpel, 1995, s. 197–201]. Кроме того, Г. Финке с 1924 г. привлек его к подготовке капитального издания «Актов Констанцкого собора».

В эти же годы (1924–1927) Герман Геймпель много работает над своей второй диссертацией (Habilitationsschrift) по средневековой истории «Король Сигизмунд и Венеция». Она была успешно защищена (при участии таких видных ученых, как Герхард Риттер, Георг фон Белов и Генрих Финке) в 1927 г. во Фрайбургском университете, но осталась неопубликованной. Вскоре произошли важные изменения и в личной жизни Германа Геймпеля: 23 апреля 1928 г. он женился на Элизабет Михель, защитившей к тому времени диссертацию по педагогике [Vooskmann, 1990, s. 12, 50]. Она была дочерью тайного советника юстиции и члена правления военно-химического концерна «И.Г.Фарбениндустри», ставшего постыдно известным в годы Второй мировой войны. У супругов в последующие годы родилось пять детей. Один из них, Герман Геймпель (тезка отца), стал впоследствии известным профессором медицины в Ульме.

Позиции Г. Геймпеля во Фрайбургском университете после защиты Habilitationsarbeit еще более упрочились. В 1928 г. он стал ассистентом

профессора Г. Риттера и очень быстро проявил свой риторический дар. Его лекции вызывали большой интерес у слушателей. Г. Геймпелю не исполнилось еще и 30 лет, когда ему предложили (в связи с переходом профессора Эриха Каспара в Берлинский университет) занять кафедру средневековой истории, ту самую, на которой работал его знаменитый учитель Георг фон Белов. В 1932 г. появляется его большой труд о Дитрихе из Нихайма (Dietrich von Nieheim), епископе Вердена и историке римской курии, представителе «немецкой нации» на соборе в Констанце [Historikerlexikon, 2002, s. 142]. Через год он издает сочинение Дитриха о «Союзе и реформе церкви в 1410 г.» («De modis uniendi et reformandi ecclesiam in concilio universali»).

Приход к власти национал-социалистов Герман Геймпель встретил, быть может, без восторга, но с определенными надеждами. Вероятно, его, как и многих немецких интеллектуалов, а также чиновников и офицеров аристократического происхождения, отталкивала brutальность нацистов, их откровенный антисемитизм. Но они полагали, что ради высокой цели – возрождения Великой Германии – этими «мелочами» можно пожертвовать. Следует подчеркнуть, что формально Г. Геймпель не являлся членом национал-социалистической партии. Более того: как это выяснилось во время послевоенной «денацификации», на выборах в ноябре 1932 г. и марте 1933 г. историк голосовал за Демократическую народную партию (Die Demokratische Volkspartei) – либеральную партию Юго-Западной Германии [Sommer, 2004, s. 207]. Тем не менее, идеологически профессор поддержал нацистов и во всяком случае не принадлежал к противникам режима. По мнению О.Г. Эксле, на примере Германа Геймпеля, «выдающегося ученика Белова» и авторитетного представителя молодого поколения, отчетливо виден тот поворот, который совершила немецкая медиэвистика после 1933 г. [Die deutschsprachige Mediävistik..., 2005, s. 78]. В своих выступлениях в 1933 г. он приветствует происходящую в Германии «национальную революцию». Современные историки обычно ссылаются на его речь под громким названием «Средневековье Германии – Судьба Германии». Она была произнесена в мае 1933 г. в рамках цикла «Задачи духовной жизни в национал-социалистическом государстве». Это были открытые для публики доклады ученых, инициированные «фюрером-ректором» Фрайбургского университета, знаменитым философом Мартином Хайдеггером.

В этой речи, как и в других исследованиях 30-х гг., Герман Геймпель предлагает соотечественникам привлекательный, во всяком случае для большинства из них, образ средневековой Германии. Многие черты подобной исторической картины были ранее разработаны его предшественниками, из которых в первую очередь надо назвать известного медиэвиста Карла Хампе, но, пожалуй, именно Г. Геймпель придал этой картине прошлого яркость и убедительность. Ученый изображает средневековую германскую империю как силу, которая доминировала в Европе с X по XII в., превосходила другие народы в своем политическом развитии и показывала всем, каким достоинством и блеском может обладать светская власть. Г. Геймпель с пафосом утверждал, что Средневековье

Германии — это замечательное начало ее могущества, величия и всемирной известности. Именно поэтому в сердцах людей «Третьего Рейха» есть чувство, что героические подвижники Первого Рейха (то есть средневековой империи) предложили своим потомкам образцы могущества и единства, которые служат примером для нынешних поколений. Согласно Г. Геймпелю, немецкое королевство достигло расцвета и высшего политического влияния в X–XI вв. Но его власть покоилась, что очень важно, на принципе порядка: «служение миру» (Weltdienst), а не «господство над миром» было содержанием исторической миссии первого немецкого «Рейха». В то время немцы являлись как бы ответственными за соблюдение мира и порядка среди всех европейских народов. К сожалению, полагал Г. Геймпель, средневековые кайзеры постепенно утрачивали и свой авторитет, и свое могущество. Ответственность за упадок королевской власти в Германии ученый возлагает не столько на самих императоров, сколько на реформированную церковь, знать и другие христианские народы Европы. Последние не оценили служения немцев великой имперской идее. Позже, уже в 50-е гг., в своих многочисленных и пользовавшихся вниманием слушателей лекциях Герман Геймпель внес дополнительные нюансы в предложенную им ранее картину исторического развития средневековой Германии. Он показал, что уже при королях Салической династии появились «трещины» в некогда могущественном «здании» имперского могущества, и вскоре Германия была низвергнута в «пропасть» конфликта за право инвеституры. Во время т.н. «свидания в Каноссе» старое сакральное королевство («das alte sakrale Königtum») получило столь серьезное «ранение», от которого не смогли «излечить» никакие меры династии Штауфенов. По мнению Г. Геймпеля, европейский порядок, предложенный первым немецким Рейхом, можно рассматривать как своеобразное историческое завещание Средневековья нашим современникам [Heimpel, 1933, s. 5–34].

Благодаря этой речи, средневековая история Германии стала неотъемлемым звеном идеологии национал-социализма. По мнению Г. Геймпеля, Третий рейх обязан взять у Средневековья некоторые его идеалы — единство, власть вождя, западную миссию [Die deutschsprachige Mediävistik..., 2005, s. 80]. Современная Германия должна стать естественной преемницей прежних «рейхов» - Средневековой германской империи и «кайзеровской» Германии. Но это еще не все: в ноябре того же 1933 г. в лекции «Немецкая история в позднее Средневековье» Герман Геймпель, соединяя «век нынешний и век минувший», называет Адольфа Гитлера «вождем, ведущим к свободе, к новой Германии, к новому Западу (Abendland)». В европейской истории Германия, и это тоже звучало очень злободневно, в изображении Геймпеля, выглядит постоянной (во всяком случае, начиная с XII в.) жертвой Франции. По мнению ученого, никаких экспансионистских устремлений у средневековых немецких монархов не было. Их политика определялась заботой о вере, о чистоте церкви «во главе и членах», наконец, стремлением утвердить угодное Господу «состояние мира». Как отмечают современные исследователи, подобными выступлениями Г. Геймпель развернул «террор прославляющего пафоса» [Eröffnungsrede..., 1998, s. 873]. Очевидно, 1933 год

был временем наибольшего сближения мировоззрения Германа Геймпеля с идеологией национал-социализма [Fleckenstein, 1989, s. 35], хотя и позже он нередко позволял себе высказывания подобного рода.

В 1934 г. профессор Г. Геймпель стал действительным членом Гейдельбергской Академии наук и был приглашен в Лейпцигский университет на место одного из своих бывших учителей — Зигмунда Гелльмана, уволенного по расовым соображениям с государственной службы в соответствии с законом, принятым нацистским режимом 7 апреля 1933 г. Предшествующие этим событиям обстоятельства, как и последующая их оценка, широко обсуждаются в исторической литературе, посвященной деятельности ученых и философов в период национал-социализма. Как оценить поступок Г. Геймпеля? Известно, что он встречался со своим первым университетским учителем в новогоднюю ночь 1932/1933 г. Зигмунд Гелльман, как бы предсказывая свою дальнейшую печальную судьбу, сказал своему ученику, что в случае прихода национал-социалистов к власти его, по всей вероятности, заставят покинуть университет, и что при подобном развитии событий он хотел бы видеть в Германе Геймпеле своего преемника по кафедре. В письме 3 мая 1933 г. он напомнил Геймпелю об их новогодней беседе. После раздумий Герман Геймпель принял приглашение в Лейпциг. Нужно ли осуждать его за это? Споры историков продолжаются... А судьба З. Гелльмана становилась с каждым годом все печальней. Через некоторое время лишенный средств существования профессор вынужден был просить у Г. Геймпеля о финансовой помощи, которую тот ему оказал. Видимо, это был их последний контакт. Еще несколько лет З. Гелльман жил, всеми забытый и «отброшенный назад», пока его в 1942 г. нацистские власти не депортировали в концентрационный лагерь Терезиенштадт, где он вскоре погиб. И только через 10 лет после его мученической кончины опубликовал Г. Геймпель некролог о своем учителе [см: Heimpel, 1995, s. 147–151].

В годы профессуры в Лейпцигском университете Герман Геймпель еще более упрочил свое положение в научном сообществе. В частности, у него установились тесные контакты с медиевистом Гербертом Грундманом на почве общих интересов к духовной истории Средневековья. В июне 1935 г. Г. Геймпель был избран действительным членом Саксонской Академии наук в Лейпциге, а с 1936 г. являлся членом Исторической комиссии Баварской академии наук, в которой состоял 52 года — дольше, чем кто-либо другой из 150 членов Академии за почти полтора века со дня ее основания!

И все же приходится констатировать, что некоторые выступления ученого по проблемам средневековой истории излишне «актуализировались» им в нужном политическом духе. Как известно, националисты, и не только немецкие, всегда используют («препарируют») факты и события прошлого для «нужного объяснения» часто неприглядных обстоятельств настоящего. Уже в 20-е гг., а особенно после прихода к власти в Германии национал-социалистов идеологи крайне правого толка стараются поставить себе на службу археологию и этнологию, науку об античности и медиевистику. Герман Геймпель, как и другие серьезные немецкие ученые

того времени, не фальсифицировал прямо германское (и европейское) прошлое, но выдвигал на передний план те события и тенденции исторического развития в эпоху Средневековья, которые были так или иначе созвучны нацистскому мировоззрению. Например, в 1936 г. власти «Третьего Рейха» решили в пропагандистских целях широко отметить 1000-летие со дня смерти Генриха I, основателя Саксонской династии, первого «национального» короля Германии. И Г. Геймпель отзывается на этот юбилей статьей, в которой анализирует обстоятельства возникновения «Первого рейха», причем публикует работу, адресованную отнюдь не только профессионалам, в журнале национал-социалистической направленности «Прошлое и настоящее» («Vergangenheit und Gegenwart»).

Насколько можно предполагать, в лейпцигский период своей жизни Герман Геймпель сохранял еще, как и большинство жителей Германии, некоторые иллюзии в отношении политики нацистского руководства. Во-первых, предшествующие внешнеполитические события (раздел Чехословакии, аншлюс с Австрией и пр.) происходили относительно спокойно, и многие не верили, что страна начнет страшную мировую войну; во-вторых, еще оставалось несколько лет до «окончательного решения» еврейского вопроса, и ужасы будущего Холокоста не предполагали даже многие евреи, жившие в «Третьем Рейхе». Вероятно, Г. Геймпель стремился не переносить мировоззренческие и политические споры на личные отношения со своими коллегами и учениками. Об этом говорит то обстоятельство, что он во второй половине 30-х гг. поддерживал едва ли не дружеские отношения и с противниками национал-социализма, и с теми учениками, кто, подобно Эбенхарду Отто, пропагандировал культ фюрера и был членом нацистских формирований. Апологетически настроенные по отношению к Г. Геймпелю немецкие историки Хартмут Бокман и Йозеф Флекенштейн уже после кончины ученого пытались, и не вполне безуспешно, доказать, что он в своем научном творчестве стремился мужественно противостоять нацистским и расистским теориям. Действительно, надо иметь в виду, что в Третьем рейхе интеллектуалам, при условии их «арийского» происхождения, предоставляли известную свободу: если власти считали, что деятельность ученого «по большому счету» полезна государству, то не следует его опекать «в мелочах», можно даже позволить ему полемизировать с откровенно нацистскими идеологами. Так, Г. Геймпель в 1937 г. на съезде историков в Эрфурте выступил против концепции германиста Отто Хёфлера, пытавшегося ограничить немецкую историю и культуру исключительно их германскими компонентами [Boockmann, 1990, s. 19; Fleckenstein, 1989, s. 38]. Впрочем, критика Г. Геймпеля была тоже ограниченной: он принял идею О. Хёфлера о континуитете германского мира.

В 1938 г. в известном как специалистам, так и более широким кругам читателей издании («Handbuch der deutschen Geschichte») вышла в свет работа Г. Геймпеля «Германия в эпоху позднего Средневековья». К концу 30-х гг. Г. Геймпель приобрел авторитет одного из ведущих медиевистов Германии и одновременно — репутацию «национально ориентированного» историка. Но наступает время, когда

приходилось совершать выбор. И уже в конце 1939 г. Г. Геймпель по сути дела «исторически оправдывает» начавшуюся войну с Францией, заявляя, что эта война «есть нечто особое», что это борьба «высокого ранга», «одновременно общности и враждебности» [см.: Schulin, 1998, s. 37]. Войну с Францией Г. Геймпелю пришлось вести не только в университетских аудиториях и на страницах своих книг: в том же 1939 г. он был призван в вермахт и стал капитаном одного из противотанковых подразделений. Недолгое пребывание на Западном фронте, принесшее ему боевые награды, в том числе за личную храбрость, завершилось ранением и увольнением из рядов армии.

Когда после разгрома Франции ранее французский университет в Страсбурге нацистские власти решили сделать «форпостом немецкого образования» на Западе, Г. Геймпель принимает предложение стать ведущим профессором уже германского Страсбургского университета. «Reichsuniversität» в Страсбурге нацистские идеологи рассматривали как своего рода показательное учреждение более высокой германской культуры. Вероятно, Герман Геймпель понимал, что преподавательская работа в оккупированном Страсбурге, городе, принадлежавшем еще недавно Франции, хотя и имевшем в далеком прошлом германские корни, не может быть спокойной. Но, с другой стороны, пребывание в Страсбурге медиевист мог расценивать как выпавшую на его долю удачу, как прекрасную возможность изучать в Эльзасе, пограничной зоне «двух миров», средневековую европейскую историю. В 1941 г. Г. Геймпель публикует важный — с политической и теоретической стороны — текст о задачах современной медиевистики с очень характерным заголовком «Изучение немецкого Средневековья в немецком Эльзасе». Будучи в Страсбурге, Г. Геймпель обратился к исследованию эпохи Штауфенов, а также истории Бургундии позднего Средневековья (напомню, что под «поздним Средневековьем» западноевропейские ученые понимают период XIV-XV вв.). В 1942–1943 гг. выходят в свет работы Г. Геймпеля об императоре Фридрихе Барбароссе, рыцаре Петере фон Хагенбахе (Peter von Hagenbach) и бургундском герцоге Карле Смелом.

Приходится констатировать, что начавшуюся в июне 1941 г. германо-советскую войну профессор Г. Геймпель встретил с одобрением и оправдывал ее продолжение даже в 1943 г., хотя военные действия на фронтах складывались для Третьего Рейха и его союзников все более неудачно. В конце ноября 1944 г., когда французские войска приближались к Страсбургу, Г. Геймпель вынужден был оставить город и, естественно, Reichsuniversität. В своем доме в Фалькау (Falkau) в Юго-Западной Германии, где он раньше проводил время отпуска, теперь он живет не только с семьей, но и может приютить страсбургского коллегу Э.Р. Хабера, правоведа и явного приверженца национал-социализма. Г. Геймпель выступает в Фалькау с лекциями о классическом наследии и, главное, пишет автобиографический роман с трудно переводимым на русский язык названием «Die halbe Violine» («Полскрипки»). В этом произведении он как бы «уходит» от своих новейших драматических переживаний и возвращается в мир детства и юности, делится воспоминаниями о мюнхенском периоде своей жизни. По-разному оцениваемый современными исследователями,

этот текст, несомненно, является важным свидетельством эпохи и ценным эго-документом.

С 1943 г. Г. Геймпель являлся членом-корреспондентом Гейдельбергской Академии наук, а в начале 1945 г. был принят на кафедру Геттингенского университета, где ранее работал П.Э. Шрамм. Германа Геймпеля хотели пригласить и в Мюнхенский университет, но этому, очевидно, помешала проводимая американской военной администрацией политика т.н. «денацификации». Сам ученый пытался иначе объяснить свою неудачу, выдвигая в качестве причин другие факторы – мотивы конфессионального характера (как известно, на юге Германии много католиков, а Г. Геймпель вырос в протестантской семье) и присущий жителям Баварии партикуляризм (в то время как сам ученый был сторонником единой сильной Германии). Процесс «денацификации», хотя и был для Г. Геймпеля болезненным, но завершился благополучно. Этому способствовало и то обстоятельство, что профессор формально не был членом НСДАП, и благоприятные отзывы о его деятельности в период национал-социализма ряда выдающихся ученых. Так, знаменитый физик, нобелевский лауреат Вернер Гейзенберг, друживший с Г. Геймпелем, заявил, что во всех случаях, которые ему известны, Г. Геймпель руководствовался интересами науки и правовыми принципами, а не политической конъюнктурой и идеологическими установками того времени.

Благоприятное для Германа Геймпеля рассмотрение его вопроса во время послевоенного процесса «денацификации» позволило ученому уже в 1946 г. стать экстраординарным, а примерно через год – ординарным профессором средневековой и новой истории Геттингенского университета. С 1946 по 1988 г. (столь долго, как никто другой!) Герман Геймпель являлся членом Центральной дирекции Monumenta Germaniae Historica. В декабре 1947 г. он стал членом Геттингенской Академии наук, а в августе 1949 г. – Майнцской Академии наук и литературы. В послевоенные годы он, несомненно, был одним из наиболее авторитетных и деятельных историков. Неслучайно Г. Геймпель, наряду с Герхардом Риттером, Германом Аубином и Гербертом Грундманом, вошел в состав комиссии, основавшей на первом послевоенном съезде немецких историков в Мюнхене Союз немецких историков. Его председателем был избран Г. Риттер, а секретарем стал Г. Геймпель. В числе восьми делегатов Немецкого союза историков он участвовал в работе первого послевоенного международного съезда историков, состоявшегося в Париже.

Немецкие гуманитарии в послевоенное десятилетие, несомненно, должны были задуматься и над важными теоретико-методологическими вопросами. Наиболее простым ответом в рамках традиционного историзма был призыв вернуться к «объективности» в духе Ранке, за что ратовали Г. Риттер и поддерживавший его Г. Геймпель. Как впоследствии писал О.Г. Эксле, «это возвращение к Ранке и ранкеанской тематике, то есть к традиции специальности и ее “производства” после 1945 г., означало, так я думаю, застой специальности...» [Die deutschsprachige Mediävistik..., 2005, s. 101]. Для послевоенной немецкой историографии характерно и сдержанное, чтобы не сказать негативное, отношение к французской «Школе

“Анналов”», что объясняется не только длительным молчанием немецких коллег по поводу гибели Марка Блока и нежеланием взять на себя моральную ответственность за подобное злодеяние, но и более общими причинами. Ведь возвращение к традициям Ранке означало примат «политического» и «государственного», чему как раз противостояла французская «новая историческая наука». На съезде историков в Ульме в 1956 г. Г. Геймпель дистанцировался от «Школы “Анналов”», иронически назвав ее «новым изданием» культурной истории Карла Лампрехта 1900-х гг. [Die deutschsprachige Mediävistik..., 2005, s. 178].

Центральное место в жизни профессора Г. Геймпеля во второй половине 40-х и в 50-е гг. занимала преподавательская, исследовательская и административная деятельность в Геттингенском университете, ректором которого он стал в 1953 г. (в том же 1953 г. он был избран Президентом западногерманской конференции ректоров). О самом благоприятном впечатлении, которое производил профессор Г. Геймпель на своих студентов и молодых исследователей, мне рассказывали в 90-е гг. профессора Дортмундского университета Э. Обендик и К. Лампе, как раз в эти годы учившиеся в Геттингене. Судя по их воспоминаниям, Г. Геймпель не только имел всеми признанный научный авторитет, но и привлекал послевоенное поколение гуманитариев своей демократичностью и доброжелательностью, стремлением свободно обсуждать не только научные проблемы, но и всех волновавшую современную «повестку дня». В отличие от абсолютного большинства своих коллег по профессиональному цеху, Г. Геймпель после 1945 г. не только внутренне переосмыслил свое поведение в годы нацизма, но и, работая в Геттингенском университете с 1946 по 1966 гг., открыто призывал немецких интеллектуалов к покаянию и осуждению нацистского прошлого.

В послевоенные десятилетия Герман Геймпель немало внимания уделял публикации источников. Еще с 1936 г. как член Исторической комиссии Баварской Академии наук он был ответственным за продолжение самой старой серии публикаций – Документов рейхстага (Reichstagsakten). Вместе с Гербертом Грундманом в проекте «Monumenta Germaniae Historica» им была начата серия «Государственные сочинения (бумаги) позднего Средневековья». В 1949 г. в ней были изданы труды кельнского каноника и политического писателя XIII в. Александра фон Роэса. Многие годы Г. Геймпель всячески поддерживал этот проект (Staatsschriften des späteren Mittelalters). Было также продолжено издание Актов Констанцского собора (Acta Concilii Constantiensis). Г. Геймпель опубликовал также материалы процесса против гуситов и обширные комментарии к ним.

По инициативе Г. Геймпеля и его коллеги П.Э. Шрамма во второй половине 50-х гг. в Геттингене возник исследовательский семинар, ставший одним из центров исторической науки в ФРГ. В 1956 г., когда в Геттингене был основан Институт истории им. Макса Планка, Герман Геймпель был приглашен на должность его первого директора и руководил им до 1971 г. Ученый рассматривал новый научный центр как продолжение той традиции «внеуниверситетских» исследований в области истории, к которой принадлежал основанный медиевистом П.Ф. Кером (P.F. Kehr)

и существовавший в 1917–1944 гг. Институт немецкой истории им. Императора Вильгельма (Kaiser-Wilhelm-Institut für deutsche Geschichte). При этом он подчеркивал, что в условиях «потрясения нашей духовной жизни и нашего исторического сознания» речь не может идти о прямой научной преемственности [Schulze, 1993, s. 247]. Вероятно, можно констатировать наличие противоречивых тенденций в научной деятельности Г. Геймпеля в 50-е гг. С одной стороны, солидарность с Г. Риттером в необходимости возвращения к традициям Ранке и связанная с этой традицией публикация документальных и повествовательных источников. С другой стороны, понимание целесообразности изучения не только политической, но также хозяйственной и культурной истории, проблем методологии – на подобные перспективы он (как руководитель) указывал своим коллегам по открывшемуся Институту истории им. Макса Планка [Die deutschsprachige Mediävistik..., 2005, s. 197].

В середине 50-х гг. упрочились разнообразные контакты Германа Геймпеля с первым Президентом ФРГ Теодором Хойсом (Heuss). Этому способствовал их (а также соредатора одной из наиболее авторитетных газет ФРГ «Frankfurter Allgemeine Zeitung» Б. Райфенберга) совместный проект – подготовка пятитомного издания «Великие немцы» («Die grossen Deutschen»). К этому времени известность Г. Геймпеля настолько далеко вышла за пределы профессионального круга историков, что его стали называть вероятным преемником Т. Хойса на высоком посту Федерального президента. Однако в октябре 1958 г. Г. Геймпель принял, очевидно, нелегкое для него решение: он отказался от выдвижения своей кандидатуры на предстоящих выборах президента страны. Существенную роль в принятии подобного решения сыграли события, часто именуемые как «Шлютер-афера». Еще в 1955 г. министр по делам культов Нижней Саксонии решил опубликовать сочинения хорошо известных при нацистском режиме авторов. Это вызвало протест со стороны руководства Геттингенского университетского, ряда профессоров, в том числе и Г. Геймпеля, а также и многих студентов. Л. Шлютер был вынужден отказаться от издания, но позже все же опубликовал вызвавший споры текст, в котором привел некоторые высказывания Г. Геймпеля национал-социалистического периода. В письме Теодору Хойсу Г. Геймпель заметил, что его не пугают попытки сделать достоянием гласности его прошлое, и не это обстоятельство заставляет его отказаться от выдвижения своей кандидатуры. Он, однако, не хочет, чтобы из-за отдельных фактов его биографии легла нежелательная тень на президентскую должность, чтобы ей был нанесен, пусть даже незначительный, моральный ущерб. Другими причинами своего решения профессор назвал многочисленные обязанности в Геттингенском университете и в Институте истории им. Макса Планка. В конечном счете, резюмировал Г. Геймпель, ему как ученому политическая деятельность остается чуждой [Nagel, 2005, s. 196]. Подобными рассуждениями он мотивировал и свой отказ от возможности стать депутатом Бундестага. А вот предложение войти в попечительский совет Фонда свободы им. Фридриха Наумана, стремившегося поддержать либеральные тенденции в западногерманском обществе, Г. Геймпель принял и являлся членом совета в 1958–1962 гг.

Осенью 1964 г. в связи с 550-летием Собора в Констанце Герман Геймпель выступил на заседании Констанцской исследовательской группы по средневековой истории (Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte) с вызвавшим научную дискуссию докладом о «немецком XV веке». Предложенная профессором целостная характеристика этого столетия в германской истории обозначила конец того длительного периода, когда XV в. «давалась самая плохая оценка». По существу, как отмечали позднее историографы, произошла смена парадигм в немецкой медиевистике. История XV в. стала после выступления Г. Геймпеля изучаться интенсивнее, чем любой другой период немецкого Средневековья. Уже в 1980 г. в авторитетной серии книг для учащихся и студентов «Oldenbourg Grundriss der Geschichte» только XV в. был посвящен отдельный том.

В 60–70-е гг. в ФРГ проходили многочисленные дискуссии о реформе высшей школы. В различных выступлениях Герман Геймпель не только был готов признать свои ошибки в университетской деятельности в эпоху «Третьего Рейха», но и стремился поставить проблему высшего образования более глубоко. «Виноват» и сам характер университетской науки, в которой профессиональные требования были высокими, а вот о развитии личности, о воспитании в духе гуманистических идеалов мало заботились. Поэтому многие немецкие интеллектуалы оказались неспособными противостоять соблазнам национал-социализма. В 1965 г. в одной из многочисленных речей Г. Геймпель констатировал, что немецкий университет в своей основе, в своих «корнях» здоров, но необходимы и некоторые перемены: наряду с двумя «полями» университетской деятельности (преподавание и исследование), явно необходимо третье «поле» — «человеческое воспитание». Однако, когда в 1968 г. в Западной Европе, в том числе в ФРГ, начались студенческие волнения, Г. Геймпель их не только не одобрил, но и пытался им противостоять, хотя к тому времени уже был т.н. «эмеритирным» (то есть ушедшим на пенсию) профессором. Он ушел в отставку сразу, как это было возможно по закону, в возрасте 65 лет. Правда, еще пять лет он оставался на посту директора Института истории им. Макса Планка. В октябре 1971 г. новое руководство Института по предложению Германа Геймпеля приняло решение об изменении административной структуры: отныне Институт истории им. Макса Планка имел двух директоров — один из них ведал изучением средневековой истории (этот пост занял Йозеф Флекенштейн), а другой — исследованиями по истории Нового времени (на эту должность был назначен Рудольф Фирхаус).

В 1971 г. не только немецкие историки, но и более широкие круги западногерманского общества торжественно отметили 70-летний юбилей профессора Г. Геймпеля. Он был награжден Почетной медалью города Гёттингена. Юридический факультет Фрайбургского университета присвоил ему звание почетного доктора, а коллеги по Институту истории им. Макса Планка выпустили трехтомное издание в честь юбилея (Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag am 19. September 1971. 3 Bde. Göttingen, 1971–1972). Надо упомянуть, что ранее, в 1967 г., Г. Геймпель был награжден Орденом за заслуги Федеративной республики Германии, который

присуждается за исключительный вклад в политическую, общественную и культурную жизнь страны.

После того, как Герман Геймпель перестал вести преподавательскую работу в Геттингенском университете, он сосредоточился не только на административной деятельности в Институте истории им. Макса Планка, но и на подготовке и написании большого исследовательского труда, охватывающего почти три столетия средневековой немецкой истории. К сожалению, вскоре случилось печальное событие в семье ученого: в апреле 1972 г. безвременно скончалась его супруга Элизабет, известный специалист в области педагогики, вместе с которой он прожил около 44 лет. В 1973 г. Г. Геймпель женился на Инге Зааль и прожил с ней еще 15 лет.

Многие черты исследовательского и литературного таланта Германа Геймпеля проявились в выше упомянутом трехтомном труде (свыше 1600 стр.!) под названием «Фенеры из Гмюнда и Страсбурга. 1162–1447» («Die Vener von Gmünd und Strassburg. 1162–1447»). Ученый работал над ним около 15 лет. Этот труд представляет собой всестороннее изучение истории одного рода (семейства Фенеров), выходцев из т.н. третьего сословия. «Род Фенеров, что означает знаменосцы (Vener = Fahnenträger – В.С.), был в течение двух столетий, XIII и XIV вв., одним из видных семейств в швабском Гмюнде» [Heimpel, 1995, s. 88]. В центре повествования – католический проповедник, ученый юрист, протонотариус и автор трудов по реформированию церкви Йоб Фенер (Job Vener) (род. около 1370 г. в Страсбурге – ум. в 1447 г. в Шпейере). В его судьбе Г. Геймпель увидел и немало типичного, и много неповторимого для человека той эпохи. Повествование о роде Фенеров превратилось под пером Германа Геймпеля во всестороннее исследование различных сторон жизни средневекового европейского общества на протяжении почти трех веков. После его публикации последовали едва ли не восторженные отклики со стороны многих коллег-медиевистов. Они подчеркивали, что без учета результатов капитального исследования Германа Геймпеля теперь невозможно характеризовать не только церковную и духовную историю средневековой Германии, но и представить весь мир позднего Средневековья.

Надо отметить и еще одну существенную черту творчества Германа Геймпеля – его литературный дар. Написанные прекрасным стилем, и его научные труды, и автобиографический роман «Полскрипки» позволяют говорить об определенном сближении научного (исторического) и литературного дискурсов. Невольно вспоминаются и другие блистательные мастера XX в. – от Йохана Хёйзинги до Умберто Эко. Х. Бокман, высоко оценивая стиль сочинений Г. Геймпеля, считает даже возможным сопоставить свой отзыв с той оценкой, которую Томас Манн дал сочинениям классика немецкой литературы XIX в. Теодора Фонтане (автора не только известных романов, но и 4-томных беллетризованных путевых очерков «Странствия по марке Бранденбург») – «его проза столь же утонченная, сколь и приземленная» [Voockmann, 1990, s. 44]. Позже и медиевист Хорст Фурман писал о «неподражаемом» языке Г. Геймпеля – одновременно глубоко индивидуальном

и общепринятом. Средствами языка Г. Геймпель как бы раздвинул границы возможного познания прошлого [Fuhrmann, 2001, s. 276]. Поэтому вполне заслуженной наградой выглядит присуждение ему «за научную прозу» премии им. Зигмунда Фрейда Академией языка и поэзии в Дармштадте.

Пытаясь оценить преподавательскую и исследовательскую работу Германа Геймпеля в целом, можно заметить следующее. За почти четыре десятилетия своей университетской деятельности Г. Геймпель имел немало учеников, и многие из них – Хартмут Бокман (Hartmut Boockmann), Арнольд Эш (Arnold Esch), Карл Гаук (Karl Hauck), Гельмут Ибах (Helmut Ibach), Гейнц Квирин (Heinz Quirin) и др. – сами стали известными учеными. Но своей школы, если понимать под этим словом круг научных единомышленников, работающих на одном исследовательском поле и приверженных одним и тем же теоретико-методологическим и методическим принципам, Герман Геймпель не создал. «У него, вероятно, были слишком разносторонние интересы, чтобы сосредоточиться на какой-либо главной теме или методе», – пишет П. Морав [Die deutschsprachige Mediävistik..., 2005, s. 135]. Г. Геймпель неуклонно расширял сферу своих научных интересов. В течение всей жизни он занимался проблемами церковной и имперской реформ XIV–XV вв. и уже к концу 30-х гг. считался едва ли не главным авторитетом в Германии по церковной истории этого периода. В начале 40-х гг., будучи профессором в «имперском университете» Страсбурга, он обратился к истории Бургундии. Г. Геймпель все чаще исследует и более общие проблемы немецкой и европейской истории (не только церковной и духовной, но и культурной, и даже экономической). Во второй половине 50-х гг., став директором Института истории им. Макса Планка, он предлагает для исследования своему новому коллективу такую, в частности, проблему как *Germania Sacra*, то есть изучение истории тех территорий Священной Римской империи, которые управлялись церковными князьями. Целью этого направления в работе возглавляемого Г. Геймпелем Института явилась научная обработка и публикация источников по истории немецких епископств, соборных капитулов, монастырей, приютов для престарелых. Другим важнейшим направлением исследовательской работы стало изучение т.н. пфальцев (пфальц – средневековый дворец и область, управляемая пфальц-графом) и связанная с этим подготовка своеобразной научной энциклопедии по всем немецким королевским пфальцам. Наконец, надо сказать, что Г. Геймпель решил возродить авторитетное немецкое издание, именуемое по именам его создателей как «Дальман – Вайц» (Dahlmann – Waitz), - библиографический справочник по немецкой истории. Многочисленные исследовательские проекты, инициированные Германом Геймпелем, успешно продолжались и после кончины самого ученого.

В апреле 1988 г. он тяжело заболел. Скончался профессор Г. Геймпель 23 декабря 1988 г. в клинике Геттингенского университета.

Теперь хотелось бы проследить, как менялось отношение и к научным трудам, и к общественной позиции Германа Геймпеля в последние годы его жизни и после кончины ученого. Думается, что при «вынесении приговора» ученому, прожившему

очень долгую и сложную жизнь, надо учитывать многие факторы. Отмечу лишь некоторые из них.

Во-первых, вплоть до 1938 г. трудно было представить все ужасы Второй мировой войны и развернувшейся в Германии политики антисемитизма. Ведь даже немецкие интеллектуалы еврейского происхождения, особенно участники Первой мировой войны, долго не уезжали из нацистской Германии (например, друг Г. Геймпеля Арнольд Берней покинул родную страну только в 1938 г.). Характерно, что даже в 1940–1941 гг. такой осведомленный человек, как французский социолог Раймон Арон, живший несколько лет в Германии, а позже участвовавший в возглавленном Шарлем де Голлем Движении Сопротивления, еще не представлял ужасов Холокоста: «На уровне ясного сознания мое восприятие сводилось примерно к следующему: концентрационные лагеря были проявлением жестокости... многие в них умирали. Но газовые камеры, фабричные методы умерщвления человеческих существ – признаюсь, я не мог себе этого вообразить [...] Но даже у гитлеровцев я не предполагал наличие идеи «окончательного решения», то есть хладнокровного убийства миллионов мужчин, женщин и детей. Кто бы осмелился предвидеть, что такую чудовищную операцию осуществит народ высокой культуры?» [Арон, 2002, с. 194–195].

Во-вторых, можно согласиться с компетентным мнением Георга Иггерса о том, что «переход от Третьего рейха к послевоенному времени для немецких историков протекал довольно гладко и безболезненно», а «цех немецких историков остался после 1945 г. почти без изменений», за исключением тех ученых, кто ранее вынужденно покинул страну по расовым причинам [Iggers, 1997, s. 327].

В-третьих, следует признать, что до начала 70-х гг. общественное мнение в Германии было весьма лояльным не только по отношению к тем, кто активно сотрудничал с нацистскими властями, но даже к тем, кто после 1945 г. был осужден за свои преступные деяния. Поразительный случай приводит в своих мемуарах М. Райх-Раницкий, польский еврей по происхождению, учившийся в Польше и Германии, прошедший депортацию, уцелевший в Варшавском гетто и ставший в 60–70-е гг. влиятельным литературным критиком ФРГ. Работая во «Франкфуртер Альгемайне» вместе с ее соиздателем Иоахимом Фестом, М. Райх-Раницкий был вместе с супругой приглашен на фешенебельный прием, устроенный в сентябре 1973 г. по поводу выхода в свет большой монографии И. Феста о Гитлере ее издателем В.Й. Зидлером. То, что увидели М. Райх-Раницкий и его жена, стало для них потрясением: «Несколько человек очень оживленно беседовали со стоящим в центре круга благообразным господином без малого семидесяти лет, одетым в безупречный темный костюм. Хозяин дома подчеркнул, чтобы не сказать почтительно, выказывал ему свое расположение. По всей видимости, почетным гостем на этом вечере был не Фест, а солидный господин, производивший в высшей степени симпатичное впечатление. [...] Этот скромный господин был преступником, одним из самых страшных военных преступников в истории Германии. Он виновен в смерти бесчисленного множества людей. Еще недавно он входил в круг

ближайших сотрудников и доверенных лиц Адольфа Гитлера. Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил его к двадцати годам тюрьмы. Я говорю об Альберте Шпеере» [Райх-Раницкий, 2002, с. 440–441].

Поэтому важно подчеркнуть, что сам концепт «преодоления прошлого», предложенный Г. Геймпелем, был трудным для него самого, а тем более – для большинства немцев, переживших Вторую мировую войну и катастрофу Германии. Из писем Герхарду Риттеру второй половины 40-х гг. вполне определенно видно, что процесс внутреннего раскаяния был долгим и мучительным для Г. Геймпеля [Хряков, 2012, с. 214–215]. В течение ряда лет во взглядах ученого заметно не только «преодоление» прошлого, но и континуитет с этим прошлым. Например, политику Франции он изображал как экспансионистскую и в 1933 г., и в многочисленных выступлениях 50-х гг. [Deutsche Historiker im Nationalsozialismus, 2000, s. 57]. Характерно его выступление 1955 г. во время «Дня народного траура» (Volkstrauertag), когда немцы вспоминают всех «погибших за Отечество». Следуя распространенным в те годы моделям объяснения прошлого, Г. Геймпель с болью, если не с осуждением, говорит о совместной оккупации союзниками территории Германии, о политике денацификации, о мести жестоких победителей. Но он счел необходимым сказать и о другом: о концентрационных лагерях и о евреях, погибших в камерах смертников. Однако уже вскоре, выступая по радио при встрече Нового 1956 г., ученый призвал немцев вызвать воспоминания из недавнего прошлого, чтобы они стали формой покаяния за нашу общую вину. Полемизируя со своим старшим коллегой Герхардом Риттером, Герман Геймпель в своей речи на съезде немецких историков в Ульме в январе 1956 г. говорил о «болезни нашего времени» и призывал соотечественников выработать «взгляд на историю, не обремененный тягой к оправданию» [Борозняк, 2014, с. 48]. Именно тогда прозвучало это выражение – «преодоление прошлого» (Bewältigung der Vergangenheit), ставшее вскоре распространенным в германском обществе «знаком правдивой интерпретации истории Третьего рейха, индикатором политического и морального осуждения национал-социализма» [Борозняк, 2014, с. 49]. Как позже показал в своем исследовании Н. Берг, уже в 50-е гг. Г. Геймпель сделал первый шаг на пути к обсуждению и осуждению геноцида. Это был нелегкий спор с национал-социалистическим прошлым, с постыдной пропагандой национального позора, еще недавно казавшегося величием Германии. Это была эволюция памяти к утверждению в сознании немцев концепции вины и ответственности за содеянное.

В 1959 г. Г. Геймпель выступил с докладом «Современные задачи исторической науки», который, видимо, предназначался отнюдь не только для профессиональных исследователей. Ученый говорил о «преодолении времени» в самом систематизированном образе мышления, о необходимости сделать людей свободными от пресловутых условностей, от затаенных обид и зависти, от «давления и противодействия», от партийности, гнева и неконтролируемого поведения. И история должна в этом помочь, ибо она есть «преодоление прошлого». Само это понятие позже

понималось по-разному, поскольку каждый человек, включая профессиональных историков, сам определял, что в прошлом необходимо преодолеть, а что — сохранить и приумножить. Но само свободное обсуждение этой проблемы, во многом инициированное Г. Геймпелем, было очень важным и является заслугой ученого [Berg, 2003, s. 241–269].

Но если в 50–60-е гг. общественная позиция Германа Геймпеля вызывала удивление и даже неприязнь у людей консервативного мировоззрения и находила поддержку у представителей либеральных и демократических сил ФРГ, то с конца 60-х гг. ситуация стала меняться. Когда на сцену общественной жизни вышло поколение молодежи, родившейся уже после окончания Второй мировой войны, оно стало задавать своим «родителям» трудные вопросы. И на них надо было отвечать. Правда, среди представителей самого профессионального цеха историков обстановка оставалась более спокойной, во всяком случае — более корректной. В 70–80-е гг. наибольшим влиянием пользовались ученые, нередко являвшиеся прямыми учениками тех, кто определял политику в сфере исторического знания в 30–40-е гг. И по этическим соображениям, что можно вполне понять, они не стремились напоминать нынешним современникам о не всегда достойном, а порой и просто одиозном поведении их учителей и старших коллег в эпоху национал-социализма. Х. Бокман даже в 1990 г., вскоре после кончины Г. Геймпеля, стремится убедить, что его учитель всегда был свободен от взглядов национал-социалистского толка [Voockmann, 1990, s. 53, 59]. Но прошло всего несколько лет, и на съезде немецких историков в Лейпциге в 1994 г. П. Шёттлер заявил о необходимости критического рассмотрения биографии и научной деятельности Г. Геймпеля в эпоху «Третьего Рейха». Подобная тенденция с каждым годом усиливалась. В сентябре 1998 г. на съезде историков во Франкфурте-на-Майне работала даже специальная секция «Немецкие историки при национал-социализме», которой руководили В. Шульце и О.Г. Эксле. Многие из выступавших отмечали, что слишком поздно немецкая историческая наука обратилась к исследованию деятельности историков в период «Третьего Рейха». В ходе дебатов неоднократно звучало и имя Г. Геймпеля. Несколько ученых, в том числе В. Шульце, акцентировали внимание на том, что выступления и труды Г. Геймпеля были вполне «созвучны» экспансионистской политике нацистского руководства. Напротив, Арнольд Эш всячески подчеркивал, что Г. Геймпель оказался одним из немногих немецких гуманитариев, кто признал свою вину и призывал соотечественников к преодолению прошлого. Пьер Расин, остановившись на деятельности Г. Геймпеля в Страсбурге, оценил его научную и общественную позицию как «абсолютно амбивалентную». В целом можно сказать, что на рубеже XX–XXI вв. спектр суждений об общественной позиции Г. Геймпеля как в эпоху национал-социализма, так и в послевоенный период очень разнообразен: его называют и «выразителем совокупной национальной идеи», и «конъюнктурным активистом», и совестливым человеком, нашедшим мужество признать свои заблуждения. Думается, что прав Отто Герхард Эксле, заметивший, что все однозначные «приговоры» историков поведению Германа Геймпеля не только являются по существу

несправедливыми, но и, главное, отбрасывают назад самих исследователей в понимании тех сложных процессов, которые довелось пережить и интеллектуалам, и всему немецкому обществу в XX в. Материалы этой полезной дискуссии вышли отдельной книгой, которая несколько раз переиздавалась [Deutsche Historiker im Nationalsozialismus, 2000].

Научный авторитет Германа Геймпеля тоже не оставался неизменным. Разработанная им концепция немецкого Средневековья и решающей роли королевской власти господствовала в историографии ФРГ и после окончания Второй мировой войны на протяжении более двух десятилетий. Даже в 1974 г. Вальтер Кинаст (Walther Kienast) в своей работе «Германия и Франция в императорскую эпоху (900–1270)» высоко оценивал известную речь Г. Геймпеля «Средневековье Германии – судьба Германии» и отнес ее к лучшему, что было сказано учеными о политике германских императоров [Kienast, 1974/75, s. 253]. Но еще при жизни Г. Геймпеля, в 80-е годы, в немецкой медиевистике утверждаются новые концепции. Вероятно, на научные идет определенное влияние оказывали и те политические и культурные тенденции, которые определяли развитие Германии и всей Европы в конце XX в. Во всяком случае немецкие медиевисты отказываются от мысли, столь близкой Г. Геймпелю, видеть величие средневековой Германии главным образом в безоговорочной власти и авторитете кайзеров. В современной медиевистике стали акцентировать внимание на иных аспектах политического развития средневековой Германии. На передний план выдвигается идея, согласно которой существенной особенностью функционирования средневековой системы власти является ее укрепление на основе своеобразного консенсуса – взаимодействия королей и князей, кайзера и церкви, да и всей знати.

Гораздо сдержаннее оценивают сегодня и капитальный труд Г. Геймпеля о роде Фенеров. В 2001 г. геттингенский ученый К. Зоммер попытался сопоставить эту 3-томную монографию немецкого профессора с фундаментальными работами его современника (и почти сверстника) французского историка Фернана Броделя. Сравнение оказалось не в пользу Г. Геймпеля. По мнению К. Зоммера, труд Г. Геймпеля можно было бы оценить как новаторский, если бы он был опубликован не в 1982 г., а примерно на полвека раньше. Поразительно, но в 2001 г., когда исполнилось сто лет со дня рождения Германа Геймпеля, многочисленные университеты, академии и исследовательские институты, с которыми была связана его долгая жизнь, по существу никак не отметили юбилей ученого. Даже Институт истории им. Макса Планка, директором-основателем которого являлся Г. Геймпель... Впрочем, уже приближалось время, когда изменится профиль самого этого института: в начале 2007 г. он был преобразован в Институт исследований мультирелигиозных и мультиэтнических обществ.

Пора возвратиться к тому вопросу, который был поставлен в заголовке этой статьи. Хочу заметить, что по мере изучения биографии и научных работ Германа Геймпеля я все яснее понимал, что его человеческая и творческая судьба не распадается так четко на два этапа, как это можно было предположить:

до 1945 г. — весьма консервативно, чтобы не сказать — националистически, настроенный историк, в послевоенный период — демократически мыслящий и осуждающий свои заблуждения ученый. Если бы это было именно так, то Г. Геймпеля можно было бы заподозрить в конъюнктурной «смене вех». Судя по имеющимся материалам (следует упомянуть, что значительная часть архива Г. Геймпеля, который хранится в библиотеке Геттингенского университета, была закрыта для использования на 30 лет после кончины ученого, то есть до конца 2018 г.), он, хотя и учитывал «веяния времени», но все же стремился поступать в соответствии со своим мировоззрением. Он не был откровенным нацистом в эпоху «Третьего Рейха» и, видимо, многое переосмыслил уже в последний период Второй мировой войны. Но и в начале 50-х годов он не отказывался от своих исторических концепций, будучи убежденным в том, что они не носят конъюнктурный характер.

В этом отношении биография Г. Геймпеля напоминает мне судьбу другого известного медиевиста — Ф. Грауса, хотя на первый взгляд кажется, что они совершенно разные люди. Мне уже приходилось достаточно подробно писать о жизненном и творческом пути этого чешского ученого [Савчук, 2014]. Поэтому сейчас напомним лишь главное. Франтишек Граус (1921–1989) происходил из еврейской буржуазной семьи чешского города Брно. В юности вступивший в Коммунистическую партию, он в 1941 г. вместе с родными был депортирован в концлагерь г. Терезин (как и выше упомянутый З. Гелльман), а затем — в Аушвиц и Бухенвальд. Оставшись в живых, он после войны являлся радикальным сторонником «левых» взглядов, а окончив Пражский университет, стал убежденным историком-марксистом. Его научная карьера в «социалистической» Чехословакии складывалась блестяще, он был известен и как общественный деятель. Но уже тогда, в 50-е–начале 60-х гг., он отличался от большинства марксистов открытостью и готовностью к дискуссии с оппонентами, к пересмотру устаревших концепций. С энтузиазмом воспринявший «пражскую весну», Ф. Граус был потрясен последующими событиями 1968–69 гг. Вынужденная эмиграция разделила творческий путь ученого на примерно равные части, причем в 70–80-е гг. он становится одним из самых авторитетных европейских медиевистов. При этом, работая на Западе, Ф. Граус не стал, антимарксистом, как это произошло в России со многими советскими учеными в начале 90-х гг. Он всегда принадлежал к числу тех исследователей, кто с уважением относится к научным идеям и убеждениям своих оппонентов, кто готов открыто и непредвзято обсуждать любые сложные проблемы и даже признавать свои ошибки.

Общим у этих двух выдающихся историков-медиевистов XX в. было их стремление поступать в меняющейся обстановке, создавать свои труды и интерпретировать исторические и политические события в соответствии с собственным мировоззрением. События трагического XX в. неизбежно вынуждали и Германа Геймпеля, и Франтишека Грауса вносить, и порой весьма существенные, коррективы в оценку явлений далекого и, тем более, недавнего прошлого. Это был мучительный процесс

для людей, стремящихся жить в ладу с собственной совестью. И анализ их творческих судеб позволяет, возможно, снова задать вопрос: «А когда они были “героями своего времени”?» Когда «плыли по течению» или «против течения»? Вероятно, труднее всего ни тот, ни другой вариант, а готовность человека, особенно — историка, всегда действовать в соответствии со своими убеждениями, независимо от того, разделяются они или отвергаются как властями, так и господствующим общественным мнением. Но отнюдь не многие готовы признать подобных людей «героями нашего времени».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. 873 с.
- Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: РОССПЭН, 2014. 351 с.
- Горелик П., Елисеев Н. По течению и против течения... Борис Слуцкий: жизнь и творчество. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 386 с.
- История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М.: Центрполиграф, 2003. 446 с.
- Райх-Раницкий М. Моя жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 522 с.
- Савчук В.С. Немецкий медиевист Теодор Майер и «Констанцское исследовательское общество» // *Cogito. Альманах истории идей*. Вып. 5 / отв. ред. А.В. Кореневский. Ростов-на-Дону, 2011. С. 354–370.
- Савчук В.С. Чешский историк Франтишек Граус: антифашист, марксист, диссидент // *Слава и забвение: парадоксы биографики*. Сб. научных статей / отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–112.
- Солдатов А. Роль личности в отчетности // *Новая газета*. 2019. № 13. С. 12–13.
- Хряков А.В. Герман Геймпель: нетипичная биография немецкого историка // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 35. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 175–194.
- Хряков А.В. Г. Геймпель: личное покаяние и «преодоление прошлого» // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 38. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 213–226.
- Berg N. *Der Holocaust und die westdeutschen Historiker. Erforschung und Erinnerung*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. 766 s.
- Boockmann H. *Der Historiker Hermann Heimpel*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. 68 s.
- Deutsche Historiker im Nationalsozialismus* / Hrsg. von W. Schulze und O.G. Oexle. 4. Auflage. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000. 367 s.

- Die deutschsprachige Mediävistik im 20. Jahrhundert* / Hrsg. von P. Moraw und R. Schieffer. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2005. 404 s.
- Eröffnungsrede des Vorsitzenden des Verbandes der Historiker Deutschlands, Johannes Fried // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1998. № 46. S. 869–874.
- Fleckenstein J. Gedenkrede auf Hermann Heimpel // *In memoriam Hermann Heimpel. Gedenkfeier am 23. Juni 1989 in der Georg-August-Universität*. Göttingen, 1989. S. 27–45.
- Fuhrmann H. *Menschen und Meriten. Eine persönliche Portraitgalerie*. München: Verlag C.H. Beck, 2001.
- Heimpel H. *Das Gewerbe der Stadt Regensburg im Mittelalter*. Stuttgart, 1926. VIII. 328 s.
- Heimpel H. *Deutschlands Mittelalter – Deutschlands Schicksal. Zwei Reden*. Freiburg, 1933. S. 5–34.
- Heimpel H. *Kapitulation vor der Geschichte? Gedanken zur Zeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. 94 s.
- Heimpel H. *Der Mensch in seiner Gegenwart: 8 historische Essays. 2, erweit. Aufl.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1957a. 231 s.
- Heimpel H. *Deutschland im späteren Mittelalter*. Konstanz: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1957b. 159 s.
- Heimpel H. *Über Geschichte und Geschichtswissenschaft in unserer Zeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959. 28 s.
- Heimpel H. *Die halbe Violine. Eine Jugend in der Haupt- und Residenzstadt München*. München, Hamburg: Siebenstern-Taschenbuch, 1965. 302 s.
- Heimpel H. *Aspekte: Alte und neue Texte* / Hrsg. von S. Krüger. Göttingen: Wallstein Verlag, 1995. 464 s.
- Historiker Lexikon: Von der Antike bis zur Gegenwart* / Hrsg. von R. vom Bruch und R.A. Müller. 2. überarbeitete und erweiterte Auflage. München: Verlag C.H. Beck, 2002. 394 s.
- Iggers G.G. *Deutsche Geschichtswissenschaft: Eine Kritik der traditionellen Geschichtsauffassung von Herder bis zur Gegenwart*. Wien – Köln – Weimar: Bohlau Verlag, 1997. 450 s.
- Kienast W. *Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270)*. Weltkaiser und Einzelkönige. 3 Bde., Stuttgart 1974/75.
- Nagel A.C. *Im Schatten des Dritten Reichs: Mittelalterforschung in der Bundesrepublik Deutschland 1945–1970*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 336 s.
- Schulin E. *Hermann Heimpel und die deutsche Nationalgeschichtsschreibung*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. 121 s.
- Schulze W. *Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. 366 s.
- Sommer K.P. Eine Frage der Perspektive? Hermann Heimpel und der Nationalsozialismus // *Historisches Denken und gesellschaftlicher Wandel: Studien zur Geschichtswissenschaft*

zwischen Kaiserreich und deutscher Zweistaatlichkeit. Hrsg. von T. Kaiser, S. Kaudelka, M. Steinbach. Berlin: Metropol, 2004. S. 199–223.

REFERENCES

- Aron R. *Memuary: 50 let razmyshlenij o politike* [Memoirs: 50 years of thinking about politics]. M.: Ladomir, 2002. 873 p. (in Russian).
- Boroznjak A.I. *Zhestokaja pamjat'. Nacistskij rejh v vosprijatii nemcev vtoroj poloviny XX i nachala XXI veka* [Brutal memory. The Nazi Reich in the perception of the Germans of the second half of the twentieth and early twenty-first century]. M.: ROSSPEN, 2014. 351 p. (in Russian).
- Gorelik P., Eliseev N. *Po techen'ju i protiv techen'ja... Boris Sluckij: zhizn' i tvorcestvo* [By the course and against the course ... Boris Slutsky: life and work]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 386 p. (in Russian).
- Istorija i pamjat': Istoricheskaja kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: Historical culture of Europe before the beginning of the New time] / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug, 2006. 768 p. (in Russian).
- Mosse Dzh. *Nacizm i kul'tura. Ideologija i kul'tura nacional-socializma* [Nazism and culture. The ideology and culture of National Socialism]. M.: Centrpoligraf, 2003. 446 p. (in Russian).
- Rajh-Ranickij M. *Moja zhizn'* [My life]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 522 p. (in Russian).
- Savchuk V.S. Nemeckij medievist Teodor Majer i "Konstancskoe issledovatel'skoe obshhestvo" [German medievalist Theodore Maer and "The Konstanz Research Society", in *Cogito. Al'manah istorii idej. Vyp. 5 / Otv. red. A.V. Korenevskij. Rostov-na-Donu, 2011. Pp. 354–370* (in Russian).
- Savchuk V.S. Cheshskij istorik Frantisek Graus: antifashist, marksist, dissident [Czech historian Frantisek Graus: anti-fascist, Marxist, dissident], in *Slava i zabvenie: paradoksy biografiki. Sb. nauchnyh statej / Otv. red. L.P. Repina. SPb.: Aletejja, 2014. Pp. 87–112.* (in Russian).
- Soldatov A. Rol' lichnosti v otchetnosti [The role of the individual in reporting], in *Novaja gazeta. 2019. № 13. Pp. 12–13* (in Russian).
- Hrjakov A.V. German Gejmpel': netipichnaja biografija nemeckogo istorika [Hermann Geimpel: an atypical biography of a German historian], in *Dialog so vremenem. Al'manah intelektual'noj istorii. Vyp.35. M.: IVI RAN, 2011. Pp. 175–194* (in Russian).
- Hrjakov A.V. G. Gejmpel': lichnoe pokajanie i "preodolenie proshlogo" [G. Geimpel: personal repentance and "overcoming the past"], in *Dialog so vremenem. Al'manah intelektual'noj istorii. Vyp.38. M.: IVI RAN, 2012. Pp. 213–226* (in Russian).
- Berg N. *Der Holocaust und die westdeutschen Historiker. Erforschung und Erinnerung.* Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. 766 s. (in German).

Boockmann H. *Der Historiker Hermann Heimpel*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. 68 s. (in German).

Deutsche Historiker im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Schulze und O.G. Oexle. 4. Auflage. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000. 367 s. (in German).

Die deutschsprachige Mediävistik im 20. Jahrhundert / Hrsg. von P. Moraw und R. Schieffer. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2005. 404 s. (in German).

Eröffnungsrede des Vorsitzenden des Verbandes der Historiker Deutschlands, Johannes Fried, in *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1998. № 46. S. 869–874 (in German).

Fleckenstein J. Gedenkrede auf Hermann Heimpel, in *In memoriam Hermann Heimpel. Gedenkfeier am 23. Juni 1989 in der Georg-August-Universität*. Göttingen, 1989. S. 27–45 (in German).

Fuhrmann H. *Menschen und Meriten. Eine persönliche Portraitgalerie*. München: Verlag C.H. Beck, 2001. (in German).

Heimpel H. *Das Gewerbe der Stadt Regensburg im Mittelalter*. Stuttgart, 1926. VIII. 328 s. (in German).

Heimpel H. *Deutschlands Mittelalter – Deutschlands Schicksal. Zwei Reden*. Freiburg, 1933. S. 5–34 (in German).

Heimpel H. *Kapitulation vor der Geschichte? Gedanken zur Zeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. 94 s. (in German).

Heimpel H. *Der Mensch in seiner Gegenwart: 8 historische Essays. 2, erweit. Aufl.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1957a. 231 s. (in German).

Heimpel H. *Deutschland im späteren Mittelalter*. Konstanz: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1957b. 159 s. (in German).

Heimpel H. *Über Geschichte und Geschichtswissenschaft in unserer Zeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959. 28 s. (in German).

Heimpel H. *Die halbe Violine. Eine Jugend in der Haupt- und Residenzstadt München*. München, Hamburg: Siebenstern-Taschenbuch, 1965. 302 s. (in German).

Heimpel H. *Aspekte: Alte und neue Texte* / Hrsg. von S. Krüger. Göttingen: Wallstein Verlag, 1995. 464 s. (in German).

Historiker Lexikon: Von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. von R. vom Bruch und R.A. Müller. 2. überarbeitete und erweiterte Auflage. München: Verlag C.H. Beck, 2002. 394 s. (in German).

Iggers G.G. *Deutsche Geschichtswissenschaft: Eine Kritik der traditionellen Geschichtsauffassung von Herder bis zur Gegenwart*. Wien – Köln – Weimar: Bohlau Verlag, 1997. 450 s. (in German).

Kienast W. *Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900–1270)*. Weltkaiser und Einzelkönige. 3 Bde., Stuttgart 1974/75 (in German).

Nagel A.C. *Im Schatten des Dritten Reichs: Mittelalterforschung in der Bundesrepublik Deutschland 1945–1970*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 336 s. (in German).

Schulin E. *Hermann Heimpel und die deutsche Nationalgeschichte*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. 121 s. (in German).

Schulze W. *Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. 366 s. (in German).

Sommer K.P. Eine Frage der Perspektive? Hermann Heimpel und der Nationalsozialismus, in *Historisches Denken und gesellschaftlicher Wandel: Studien zur Geschichtswissenschaft zwischen Kaiserreich und deutscher Zweistaatlichkeit*. Hrsg. von T. Kaiser, S. Kaudelka, M. Steinbach. Berlin: Metropol, 2004. S. 199–223 (in German).